

Н. А. КРИВОШЕИНА

Четыре трети нашей жизни

<Фрагменты>

<...>

Наступило 18-ое июня. Париж был уж занят вермахтом, и немецкие силы безудержно стремились к югу и западу от Парижа. В этот знаменательный день, часов около пяти, генерал де Голль произнес свой знаменитый призыв к Сопротивлению и продолжению войны вне территории Франции. Мало кто сам своими ушами этот призыв слышал. Миллионы французов были в бегстве далеко от своих домов, и мало у кого мог быть радиоприемник. Кое-кто, несмотря на разруху, был в это время дня на работе, а сотни тысяч военных уж томились в плену. Но так вышло, что я призыв де Голля слышала сама; и весь этот день, и этот тогда еще незнакомый голос, необычная манера французской речи, самая фамилия (сперва я подумала, что это политический псевдоним!) — все было удивительно и неожиданно!

Кто-то прибежал к нам и шепотом сообщил Надежде Владимировне: «Торопитесь, скорее, скорее, слушайте радио! Говорит какой-то генерал!» А в доме, в Шабри, был плохенький радиоприемник, меня стали звать: «Идите, живо, слушайте и рассказывайте нам».

Радиоприемник стоял на стуле, я встала перед ним на колени, и Надежда Владимировна накинула мне на голову два тяжелых одеяла, чтобы было лучше слышно. Я сперва как-то ошалела, не все понимала — говорил Лондон, и то, что я слышала, казалось совершенно немыслимым: никому неизвестный генерал призывал из Лондона продолжать борьбу — Франция проиграла лишь одно сражение, а не войну... Он призывал всех офицеров, солдат,

военных инженеров, летчиков и моряков продолжать войну, присоединяться к нему и вступать в ряды войск Свободной Франции. И через два часа уж будет открыта запись по такому-то адресу в Лондоне!

И кончил: «Vive la France!»

Я высовывала голову из-под одеял и по-русски сообщала всем, что говорилось; кто-то восклицал — да кто же это? от чьего имени он говорит? Да как же это в Лондоне записываться?.. Все были чрезвычайно взволнованы, кто-то даже заплакал.

Уже после войны мы узнали, что де Голль с трудом выговорил себе время на английском радиовещании, приехал на такси со своим адъютантом, а какой-то английский офицер, случайно бывший во дворе Би-Би-Си, сфотографировал этих двух офицеров во французской форме; прессы никакой не было, и снимок оказался потом уникальным.

<...>

Не надо забывать, что до этого французская коммунистическая партия сочувственно относилась к русско-германскому договору; рабочие открыто против оккупантов не высказывались и де Голля не поддерживали. Но после 22-го июня 1941 г. все резко изменилось. Подпольные коммунистические ячейки, конечно, существовали; они круто повернули курс, и в стране, где не было настоящей власти, а только правительство, посаженное оккупантами, их голос имел громадное значение. Движение «Резистанса», которое уже существовало, получило вдруг поддержку рабочего люда, а ведь вся Франция была принуждена работать на немцев... Участие в этой акции железнодорожников было чрезвычайно важно; на некоторых заводах — сперва незаметно, а потом все больше — начался саботаж.

Если внешне беззаботное поведение парижской улицы под оккупацией было своего рода фрондой, то внутренний раскол французского общества становился все чувствительнее; конечно, как всегда, одни обвиняли во всех несчастьях левых, другие — правых. Но вот из-за того, что правительство, подписавшее перемирие с Гитлером, возглавлял маршал Петэн, народный герой (сам он был крестьянский сын, что играло тоже немаловажную роль в его популярности, к тому же он был победителем Вердена) — многие французы, не только «правые», а самые широкие круги, не смели осуждать правительство Виши и считали, что Петэн чуть ли не спас Францию... Его ответственность в процессе

морального загнивания страны очень велика — в этом сомневаться нельзя.

Среди наших друзей и даже родных, большинство было настроено как мы; но среди французов и русских были поклонники Гитлера, верившие в его звезду, верившие в фашизм и к концу войны примкнувшие к акции генерала Краснова¹ или генерала Власова²...

<...>

Во Франции в это время проживало около 65 000 русских эмигрантов. Это немало — однако, если сравнить с цифрой нынешнего года, когда одних португальцев здесь живет около двух миллионов, то цифра покажется незначительной. Но русская эмиграция вся без исключения была эмиграцией политической; после войны рознь и уклоны среди русских сильно обострились — да и понятно, что победы советской армии поразили умы, и многие считали, что это начало новой эры, что вот-вот будут и внутри страны перемены... Потом оказалось, что в то время и в СССР было немало людей, думавших как мы, ждавших как мы... А вышло наоборот, и через малое время началась «холодная война» и страшные годы 1948–50 — новая волна террора на всю Россию, пожалуй, не легче, нежели 1937 год!

И вот, на фоне этих чаяний, сомнений, споров и прений в парижской газете «Русские Новости» 22-го июня 1946 г. был опубликован «Указ Верховного Совета СССР о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской Империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции». Указ этот был подписан в Москве 14-го июня 1946 г. Шверником³ и Горкиным⁴. Заявления об обмене паспорта можно было подавать в посольство СССР во Франции вплоть до 1-го ноября 1946 г.

Это было не совсем неожиданно. Еще во время войны, в феврале 1945 г., группа видных эмигрантских деятелей была принята послом А. Е. Богомоловым вскоре после его приезда из Алжира; возглавлял группу В. А. Маклаков⁵, были там два адмирала: Кедров⁶ и Вердеревский⁷, известный общественный деятель А. С. Альперин и другие.

В беседе с Богомоловым Маклаков заявил, что они готовы пересмотреть прежние позиции по отношению к СССР. Шума поднялось много, об этом «визите» печатались статьи в эмигрантских газетах, толковали на собраниях, шли всякие фантастические слухи...

Патриотические заявления были сделаны также Бердяевым⁸. Казалось, раз так — то чего же сомневаться? Газета «Русские новости», родившаяся на месте существовавшей до войны миллюковской газеты «Последние новости», имела окраску вполне советско-патриотическую; редактором ее был Арсений Федорович Ступницкий <...>.

<...>

Через неделю после опубликования от 14-го июня 1946 г. мы с Игорем Александровичем (Кривошеиным, мужем автора. — *Сост.*) пошли в советское консульство на Boulevard Malherbes, отдали там наши нансеновские паспорта и вскоре получили советские, дававшие право на проживание за границей; Никита (сын автора. — *Сост.*) был вписан в мой паспорт. Собирались ли мы в скором времени уехать насовсем в СССР? Да, собирались, думали, что со временем поедем, как только Игорь Александрович достаточно оправится от ужасов Бухенвальда.

Так началось наше «смутное время». Сперва все шло гладко, и, главное, понятно, и только постепенно мы услышали тяжелый лязг надвигающихся на нас событий, стали замечать, узнавать, чего сразу не уразумели. Говорят, во Франции около 10 000 русских эмигрантов тогда взяли советские паспорта; хорошо это или плохо, умно или непроходимо глупо? Теперь думается, что это была акция нужная советской пропаганде ввиду сведений об истинном положении в СССР, которые узнавались через вторую эмиграцию в Европе: власовцев, бежавших из немецких лагерей, пленных солдат, вывезенных немцами украинских и белорусских девушек. Эти всячески прятались, укрывались от возвращения на родину — однако появилась советская Репатриационная Миссия, имевшая заданием собрать и вывезти назад в СССР возможно большее количество военнопленных. Таким образом создан недалеко от Парижа пресловутый лагерь Beauregard, и туда (подчас и с помощью французской полиции) полковник Никонов и его помощники... загоняли всех, кто, по их мнению, подлежал репатриации. Со временем эта миссия вывезла на Beauregard несколько эшелонов, так что состав находившихся там постоянно менялся.

Но вернусь несколько назад. Еще во время Освобождения Парижа вышедший из подполья «Союз Русских Патриотов»⁹ (одна из эмигрантских организаций Сопротивления) явочным образом занял особняк на rue Galliéra, где раньше, во время ок-

купации, находилось «Управление делами русской эмиграции», возглавляемое пресловутым русским гестаповцем Жеребковым¹⁰. Тут этот союз и начал развивать свою деятельность, понемногу укрепился, расширился, а после указа от 14-го июня в него вошли многие новоявленные «советские граждане». Появилось у них и свое правление — в разное время туда входили разные люди: Матяш, Качва, Марков — для нас это были люди новые, которых мы раньше совсем не знали.

Вскоре во всех кварталах Парижа (а также и во многих городах Франции) образовались местные отделения Союза, каждый со своим председателем. Всюду проходили собрания, лекции, доклады — все на одну и ту же тему: СССР и его достижения. Можно себе представить, что французским властям это новое лицо русской эмиграции мало нравилось. Впрочем, многочисленная армянская колония тоже решила, что пора армянам домой, в Армению, где когда-то, в 1915 г., после турецкой резни, их радушно приняли, а они и во Франции жили очень благополучно, но оказалось, что слово «домой» имеет особое звучание.

А в особняке на rue Galliéra заработала дешевая и приличная столовая, там же открылась русская библиотека (где я, кстати, работала целых шесть месяцев); некоторых новоявленных советских граждан стали приглашать на приемы в советское посольство на rue de Grenelle. Мы оба были из тех, кого часто приглашали, и тогдашний посол Богомолов весьма «вельможно» и ласково нас приветствовал при входе в большой зал, стоя на площадке парадной монументальной лестницы в мундире, при регалиях, и рядом с ним жена, приятная, светская, всегда отлично и скромно одетая, говорившая недурно по-французски — она нам всем очень нравилась.

Входило ли в планы советского правительства разрешить новым советским гражданам и в самом деле вернуться домой? Как-то на большом собрании выступавший с докладом Богомолов на вопросы об отъездах отвечал уклончиво, а когда кто-то из присутствующих спросил, можно ли будет, вернувшись на родину, навещать родных, оставшихся во Франции, долго молчал и наконец сказал, что «вряд ли в первое время это будет возможно»... Однако армяне уезжали и уезжали, да и большая группа русских тоже в 1947 г. уехала — им в особняке на рю Галлиера устроили торжественные проводы, но, сказать честно, у многих уж начались если не сомнения, не сожаления, то некое душевное

ущемление — тут что-то не так, не так уж победно, едва ли нас ждет небо в алмазах... А одна из новых советских гражданок через два-три месяца получила открытку от брата, вернувшегося на родину в какой-то провинциальный город, и в открытке значилось: «Ждем тебя обязательно! Как только выдашь Машу замуж, приезжай к нам...», — а Маше ее было два года... Шли слухи про Ахматову и Зощенко, холодная война уже брезжила, «климат» и во Франции менялся, на Севере особенно, где произошел ряд социальных конфликтов на угольных копях. Словом, настроение в стране было напряженное.

<...>

Главное общественное событие в это лето был прием 3-го июля у Молотова, он незадолго до своего возвращения в Москву принял целую группу эмигрантов в посольстве на rue de Grenelle; тут были и взявшие паспорта, и не взявшие — А. Ремизов, адмирал Вердеревский, А. Ф. Ступницкий, и из «Союза Советских Патриотов» — А. К. Палеолог, Н. С. Качва, Д. М. Одинец, а также некоторые представители грузинской и армянской колонии в Париже и из Шанхая — Чиликина. Молотов вел долгую беседу со всеми и в заключение сказал: «Может случиться, что вернувшись на родину, особенно в провинции, будут попрекать их эмигрантским прошлым...» Вздохнул и добавил: «Что ж делать! В семье не без урода. В таких случаях обращайтесь прямо КО МНЕ!!» Тут был и некий намек, но... и прямое обещание, не волнуйтесь, мол! Вы же знаете, кто я, а я за вас заступлюсь. Эх! Вот мне как раз и пришлось вспомнить это обещание, и в 1951–52 г. не одно прошение я послала на имя Молотова...

15-го августа на rue Galliéra состоялся организационный съезд «Союза Советских Граждан»; этот съезд долго подготавливался специальной комиссией, которую возглавил А. И. Угримов; почетным председателем был избран А. Е. Богомолов, а председателем съезда — Игорь Александрович Кривошеин. <...>

<...>

Внезапно в ноябре в лагере Beauregard грянул скандал, который поразил воображение парижан. Что-то с этим лагерем было не то; ползли слухи, что там насильно содержат и насильно будут увозить в СССР людей, подлежащих «репатриации». И вот 12-го ноября 1947 г. французская полиция — около 2000 человек с танками — окружила Beauregard, где тогда проживало около 600 советских граждан, и произвела обыск и опрос всех этих людей.

Результат этой обширной акции был просто ничтожный — выйти из лагеря захотела только одна особа, некая Свечинина: она с двумя детьми была снята с поезда, увозившего из Франции новых советских граждан, по просьбе мужа, с которым у нее шел развод; муж не хотел допустить, чтобы она его детей увезла из Франции — словом, дело было чисто семейное, а не политическое!

Было ясно, что страница перевернулась, что «смутное время» скоро кончится — как? Тревога, тревога, вот это было тогда главным чувством... Играли, собирались, «изучали» — вот теперь и итог близко! Мы тогда перестали всерьез думать об отъезде из Франции, да и заявления на отъезд еще и не подавали...

<...>

25-го ноября 1947 г. около 9-ти утра — звонок в дверь. Открываю, стоят двое; у этих людей во всем мире одинаковые лица сомневаться не приходится... Просят Игоря Александровича пройти с ними на минутку (*pour un moment*) в комиссариат, но я сразу спрашиваю: «Надолго ли?» — «Да нет, нет, к завтраку вернется». Однако прошу подождать, вытаскиваю чемоданчик, Игорь Александрович собирает какой-то минимум вещей и уходит с ними. Говорит мне по-русски: «К завтраку не ждите».

Начинается последний акт перед нашим отъездом в СССР. В этот день арестованы во Франции по приказу министра внутренних дел Жюля Мока¹¹ двадцать четыре «новых» советских гражданина. В числе высланных кроме Игоря Александровича были: А. П. Покотилов, А. А. Угримов, Н. С. Качва, А. К. Палеолог, С. Н. Сирии, В. Е. Ковалев, А. И. Угримов, А. И. Марченко, А. А. Геник, М. Н. Рыгалов, Н. В. Беляев, В. В. Толли, И. Ю. Церебежи, В. И. Пестовский, Розенкамф, Л. Д. Любимов, Таня Розенкопф, Сабсай, В. Плихта, А. Гуцин, Д. Белоусов* и еще два человека, фамилии которых я не помню.

Шушу Угримов тогда уже жил в Аннеси, и его оттуда почему-то привезли в... наручниках! Все они были свезены к вечеру автобусом в Кэль (против Страсбурга на немецкой стороне Рейна) и потом вывезены в советскую зону Германии, а вскоре попали в пересыльный лагерь около Бранденбурга.

Акция была произведена Жюлем Моком после довольно-таки значительного выступления французских коммунистов

* Практически все эти люди возглавляли те или иные патриотические организации и тем или иным образом участвовали в Сопротивлении.

в предместьях Парижа. Надо думать, что «Союз Советских Граждан» вызывал активное отталкивание у французских властей. Во Франции, где осело столько русских беженцев в 20-х годах, было бесконечное количество всяких союзов: воронежских кадетов, смолян, витязей, «бывших» офицеров Лейб-Гвардии таких-то и таких-то полков — да разве все перечислишь. Но их никогда полиция не трогала, рассматривая их как полублаготворительные организации. Конечно, «Союз Советских Граждан», его собрания, его пресса носили уже характер чисто политический и могли казаться центром коммунистической пропаганды. Вопрос: были ли они таковыми на самом деле?

Но для министра внутренних дел тут была возможность отделаться от «нежелательного элемента», дать громкий ответ французской Коммунистической Партии.

Эта высылка дала повод советскому правительству направить ноту протеста и показать, что она «защищает советских граждан за границей». В Бранденбурге всей группе обещали, что скоро они будут на родине, а пока... надо подождать. В Бранденбурге никого не обижали, кормили и даже под конец стали пускать группами в город. Приезжал туда уполномоченный из Переселенческого отдела из Москвы, некто Пронин, один из более или менее приятных и приличных людей из этого учреждения, и всем были даже назначены города, где им жить и работать, кому — куда...

<...>

Время шло, и все, кто был в Бранденбурге, уехали в СССР в феврале 1948 г. и даже уже расселились по местам, назначенным Переселенческим Отделом. Игорь Александрович очутился в городе Ульяновске, бывшем Симбирске, на родине Володи Ульянова. Я постоянно получала письма от Игоря Александровича, так что про него все же кое-что знала, мне же ему писать было трудно: мои письма читались двумя цензурами, приходилось обдумывать каждое слово.

<...>

Консул Абрамов глухо нам говорил об отъезде: есть препятствия, осложнения. Да какие же? Он неизменно отвечал: «Хлопочем, хлопочем». Настроение у нашей группы, где многие даже друг друга не знали <...> становилось понемногу мрачнее и напряженнее: надо было решиться или устраивать свою жизнь здесь на Западе, или скорее уезжать. <...>

В конце марта 1948 г. я, вызвав Henri de Fontenay¹², объяснила ему: необходимо что-то предпринять, чтобы нам, наконец,

разрешили выезд из Франции. «Да кто же вам мешает?» — воскликнул он.

— «Вот это-то и надо узнать, тогда хоть что-то станет яснее», — возразила я. Фонтенэ подумал и сказал: «Я знаю одного депутата от коммунистической партии во французской Палате, я его завтра же попрошу сделать в Палате запрос о том, почему семьи советских граждан, высланных из Франции, не выпускают из Франции. Согласны? Буча, конечно, будет; может быть «они» и поймут, что это дело поднято вами, вы не бойтесь». Подумала, подумала — говорю: «Давайте, налегайте — все равно теперь назад хода нет».

Так оно и произошло: ровно через три дня этот депутат обратился в Палате с официальным запросом к министру внутренних дел; тот с места ответил, что в первый раз об этом слышит, но немедленно наведет справки и даст ответ. На следующем же заседании Палаты был дан официальный ответ правительства по этому делу, а именно: он, министр внутренних дел, никогда не слышал о том, что у семей 24-х высланных советских граждан есть какие-либо затруднения с выездом из Франции и что это несомненное недоразумение. Пусть едут, куда хотят и когда хотят, препятствий никогда и не было...

<...>

